

Глава 9. Ломбард

Под карнизами крыш, крытых темной черепицей, покачивались на ветру колокольчики. Их чистый, звонкий перелив разносился по округе, но Мо Чжияню этот звук не приносил покоя — лишь наполнял душу растущим раздражением.

От Мо Шестнадцатого со вчерашнего дня не было никаких вестей. Чжиянь перепробовал несколько способов связи, но так и не смог до него достучаться, из-за чего провел бессонную, тревожную ночь.

Служанка, подносящая чай, нежно проворковала:

— Молодой господин, вы всё еще терзаетесь из-за ран главы школы?

Под «главой» она имела в виду хозяина Дивного края Хуами и главу семьи Мо — легендарного гения, который не достигнув и тысячи лет, достиг стадии Великого вознесения, а ныне и вовсе пребывал на стадии Превращения в божество, являясь одним из величайших столпов мира заклинателей.

Его супруга, фея Циньхуа, и вовсе была той самой «луной в сердце», о которой грезил многие бессмертные. Бессмертный владыка Хуаюй и госпожа Циньхуа с самого дня свадьбы жили душа в душу; их союз, гармоничный, словно переключка лютни и флейты, почитали образцом для подражания.

Двадцать лет назад, во время великой войны, когда демоны и яо вторглись в эти земли, Дивный край Хуами не остался в стороне. Супруги вместе отправились на поле битвы. Кто же знал, что именно тогда госпожа Циньхуа окажется в тягости? Пути к отступлению были отрезаны, и ей пришлось рожать прямо в разгар сражений. Это не только подорвало ее здоровье, но и помутило рассудок.

Внешний мир наполнился слухами о тяготах войны, но служанка, будучи доверенным лицом в Дивном крае Хуами, знала горькую правду. После того как госпожа Циньхуа произвела на свет дитя, в момент ее крайней слабости в покои проник лазутчик и похитил младенца.

Госпожа, находясь на грани смерти, впала в беспамятство, а очнувшись, из последних сил вцепилась в руку мужа, умоляя вернуть ребенка. Ее крики, полные отчаяния и боли, до сих пор стояли в ушах тех, кто их слышал. Глотая слезы, владыка Хуаюй поклялся исполнить ее волю.

Однако, когда он спустя годы невероятных усилий наконец нашел сына и с ликованием принес его жене, та лишь взглянула на младенца и, изрыгнув кровь, закричала, что это не ее дитя.

Но это был именно он.

Дивный край Хуами, занимавший место первой школы в Поднебесной, никогда бы не допустил сомнений в чистоте крови. Прежде чем вернуть мальчика в семью, владыка Хуаюй лично применил гайную технику проверки родства.

Тем не менее она отказывалась признать очевидное.

Как бы ни увещевал ее муж, госпожа Циньхуа угасала с каждым днем. Время, проведенное в слезах и криках, превратило ее жизнь в кошмар, и со временем она окончательно лишилась рассудка. Стоило владыке Хуаюю принести к ней ребенка, как она, словно под действием страшного заклятия, в ужасе забивалась в угол кровати, а в приступах безумия даже пыталась причинить мальчику вред.

Владыке Хуаюю ничего не оставалось, кроме как оградить сына от матери. Со временем состояние госпожи Циньхуа ухудшилось настолько, что она перестала приходить в сознание, окончательно погрузившись в пучину безумия.

Владыка Хуаюй, терзаемый виной за то, что ребенок лишен материнской ласки, души не чаял в сыне. Их близость была безграничной, а баловство отца — не знающим мер.

Но полмесяца назад случилось немыслимое. Владыку Хуаюю, отправившегося в путь, принесли обратно в школу на носилках, залитых кровью. Даньтянь был сокрушен, меридианы разорваны, но самой страшной была рана на груди. Чудовищный зверь пронзил его плоть когтями и заживо вырвал сердце. Лишь благодаря невероятному уровню развития он смог дотянуть до врат школы.

Мо Чжиянь у постели умирающего отца рыдал так, будто само небо обрушилось на него, и в итоге лишился чувств от горя.

Служанка не догадывалась, что тот, кто очнулся после обморока, был уже совсем другим человеком. Заметив хмурое лицо господина, она набралась смелости утешить его.

Лишь сейчас Мо Чжиянь вспомнил о своем названом «папаше», и на душе стало еще тоскливее.

— Как я могу не беспокоиться... — выдавил он.

Владыка Хуаюй был родным отцом «протагониста» и важным положительным героем в книге. Но юноша переживал не о том, умрет ли тот, а о том, каким именно образом он останется жив.

В оригинальном сюжете Мо Сюнь за бесценок продал Сердце лотоса, которое случайно обнаружил Фусун. В итоге старейшина доставил и юношу, и артефакт в школу. Сердце лотоса заменило орган, вырванный когтями яо, и исцелило владыку Хуаюя.

Оправившись, тот исполнился безграничной благодарности к спасителю. Увидев же, что Мо Сюнь на девять десятых похож на его больную жену, владыка пришел в такое волнение, что немедленно принял его в личные ученики. Он окружил его заботой и лучшими ресурсами Дивного края Хуами, подготавливая себе преемника. Под руководством мастера стадии Превращения в божество Мо Сюнь всего за сто лет пробился к стадии Зарождающейся души, став самым молодым мастером стадии Исхода души в истории.

Более того, даже госпожа Циньхуа, годами избегавшая родного сына, к Мо Сюню проявляла удивительную нежность, часто по-матерински ласково расспрашивая его об успехах.

Видя, как отец всё больше отдаляется, а мать, никогда не дарившая ему тепла, ластится к чужаку, книжный «Мо Чжиянь» буквально обезумел от ревности. А позже... на одном из состязаний у Мо Сюня случайно выпала подвеска, открыв правду о его происхождении...

И тогда он окончательно рухнул в бездну.

Настоящий Мо Чжиянь до скрежета стиснул зубы. Читать об этом в книге было упоительно, но проживать наяву — невыносимо. Всё величие Мо Сюня в будущем строилось на его, Чжияня, костях. Как он мог с этим смириться?

Его первоначальный план состоял в том, чтобы, добыв Сердце лотоса, добровольно предложить свое сердце владыке Хуаюю. Пусть семья Мо будет обязана ему жизнью. Тогда, каким бы талантливым ни оказался в будущем Мо Сюнь, отец не сможет просто так выставить его за дверь.

Сам Чжиянь был обычным человеком без особых дарований и, оказавшись в этом теле, не пробудил никаких выдающихся талантов. Единственный его «козырь» — Система, перенесшая его в этот мир, — выдала ошибку при загрузке и ушла на техобслуживание, оставив его в полном одиночестве.

За последние дни он воочию убедился в могуществе семьи Мо и Дивного края Хуами. Почувствовав вкус безграничной власти, он не мог заставить себя вернуться в жалкую лачугу Ли. В этом мире, где человеческая жизнь ценилась меньше сорной травы, он не знал, удастся ли ему дожить до старости, если он лишится защиты школы.

Один лишь вид такого финала вызывал в нем яростный протест. Ну и что, если он протагонист? Он не позволит отобрать у себя всё и превратить в нищего смертного!

Он резко вскочил, напугав служанку. Та, увидев его искаженное злобой лицо, отпрянула:

— Мо-молодой господин...

— Отец тяжело ранен, я не нахожу себе места, — Чжиянь подавил тревогу и выдавил подобие

ласковой улыбки. — Я слышал, на горе Юйгуй есть редкое лекарство, способное помочь ему. Где Мо Семнадцать? Позови его, пусть сопроводит меня в путь...

Он решил лично отправиться в мир смертных и всё проверить.

Остров персиковых цветов в нефритовом море

На этой границе, где смешивались пути заклинателей и простых людей, царило необычайное оживление. Среди торговых рядов сновал народ; здесь можно было встретить и лавки с духовными плодами или оружием, и лотки с мирской снедью и безделушками.

Линь Му, стараясь не привлекать внимания, спокойно шел сквозь толпу.

«Кристалльные креветки с турмалином... Пятицветная парчовая рыба... Змеиный суп?» — Гу Суйчжи с любопытством зачитывал названия на вывесках. — «Звучит весьма аппетитно».

Линь Му остановился и скользнул взглядом по ценам.

Кристалльные креветки — сто камней низшего ранга за порцию.

Пятицветная парчовая рыба — сто двадцать камней низшего ранга за порцию.

Змеиный суп... тысяча камней низшего ранга за порцию.

«...Забудь, я просто так сказал».

Всё достояние юноши — та самая Изящная трава — было безвозвратно отдано семье Ли. С самого начала пути он не съел ни зернышка риса, и лишь достижение стадии Создания основ позволяло ему не чувствовать голода, иначе плата за обед стала бы неразрешимой задачей.

Гу Суйчжи при жизни не был самым богатым человеком в Поднебесной, но никогда не знал нужды. Он даже не помнил, как выглядят камни низшего ранга — в его памяти они остались чем-то мутным и неприглядным, куда хуже чистого, сияющего золота.

Впервые оказавшись в столь стесненных обстоятельствах, когда приходится считать медь за еду, спутник не захотел обременять Линь Му. В конце концов, он был лишь гостем в чужом теле и хотел лишь ощутить вкус, так что решил обойтись.

Юноша свернул к лавке на углу улицы. Гу Суйчжи опешил:

— Ломбард? Что ты собрался продавать?

Внутри не горели светильники. От каменных плит пола веяло могильным холодом, а пространство было разгорожено тяжелыми стеллажами. В углах высились фарфоровые вазы ростом с человека, отчего даже в разгар дня здесь царил мрачная, почти зловещая атмосфера.

Хозяин заведения не сидел за прилавком, а вольготно развалился в кресле, посасывая серебряную трубку и с упоением пуская клубы ароматного дыма. Заметив гостя, он лениво повел шеей. Это оказался совсем молодой мужчина с довольно милостивым, породистым лицом. Его лисьи глаза сузились в улыбке, а голос звучал мягко и певуче, напоминая манеру театральных актеров.

— О, неужто посетитель? Что же вы желаете заложить, почтенный гость?

Линь Му снял с шеи нефритовую подвеску, которую носил с самого детства, и протянул хозяину. Ту самую вещь, что служила единственным доказательством его происхождения. Раньше он дорожил ею, но теперь... теперь в ней больше не было нужды.

Гу Суйчжи, разглядев украшение, помрачнел. Его голос стал глубже:

«Я ведь правда просто к слову сказал. Тебе не стоило этого делать».

Юноша лишь опустил глаза, оставив слова без ответа.

Хозяин взял подвеску. Одной рукой он придерживал трубку, а другой поднес украшение к глазам, нарочито небрежно осматривая его. Трудно было понять, что он разглядел в таком полумраке, но спустя миг он вскинул бровь и выпрямился, пристально изучая гостя.

— Желаете продать именно это?

Линь Му кивнул.

— Что ж, отличный согревающий дух нефрит, прекрасная работа. Жаль только, что форма уже задана, трудно будет переделать. Дам за него тысячу камней высшего ранга. Согласны?

Юноша снова кивнул. Цена была более чем справедливой; редко когда владельцы подобных заведений не пытались обобрать клиента до нитки, так что возражать было не за чем.

Хозяин прищурился:

— Вижу, у вас нет при себе ничего, во что можно было бы сложить такую сумму. У меня как раз завалилось одно пространственное кольцо. Отдам за две сотни. Вместимостью в четверть этой комнаты. Берете?

Артефакты для хранения всегда были в дефиците. На аукционах в удачный день за них могли просить не две сотни, а вдвое больше камней высшего ранга. Линь Му встретился взглядом с хозяином; тот лишь лукаво шурил лисьи глаза.

Тысяча камней. На руки — восемьсот.

Линь Му покинул это странное заведение. Стоило его силуэту скрыться за порогом, как улыбка сползла с лица хозяина. Он схватился за грудь и несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем прийти в себя.

— Вот это да... Какая мощная ци удачи. Я уж грешным делом подумал, что само Небесное Дао решило заглянуть ко мне за деньгами. Чуть сердце не выскочило.

Он задумчиво потер подбородок:

— Но почему эта ци такая черная? Неужели Дитя Небесного Дао успело поваляться в угольной куче?

Не найдя ответа, он отмахнулся от лишних мыслей и мечтательно прикрыл глаза:

— Да и какая разница. Главное — услуга оказана. Глядишь, когда он возвысится, подкинет мне еще немного деньжат... Ох, как же это будет неловко!

«Обычный человек, — подал голос Гу Суйчжи. — Совсем без способностей. Однако...»

«Что «однако»?» — переспросил Линь Му.

«От него исходит дух, который я просто на дух не переношу, — спутник подбирал слова. — Тошнотворный запах, точь-в-точь как у Небесного Дао... Смердит за версту».

Юноша на миг замедлил шаг. Гу Суйчжи не выдержал и усмехнулся:

«Я не о тебе, не переживай. У тебя-то всю ци удачи подчистую обглодали, так что пахнешь ты всё еще приятно».

«Старший, кем был тот человек?»

Линь Му хотел спросить об этом еще в лавке, но Гу Суйчжи опередил его. Впрочем, его объяснения ясности не добавили. Остров персиковых цветов находился на стыке миров, духовная энергия здесь была слаба, и великим мастерам здесь было попросту нечего делать. Но если у того человека не было способностей, возможно, он не зависел от уровня энергии. Хотя связь с Небесным Дао...

«Остров Фусан или Павильон астрологии — кто-то из этой братии, — небрежно бросил Гу Суйчжи. — Эти прорицатели так долго пялятся в небеса, пытаются разгадать волю Дао, что сами пропитываются этой гнилью».

Он с нескрываемым презрением добавил:

«Судя по лицу, скорее из семьи с Острова Фусан. В Павильоне астрологии у всех проблемы со вкусом: говорят, будто принимают учеников только с правильными чертами лица, а на деле гребут одних скуластых да квадратных. У них там всё здание — сплошная нора тибетских лисиц. За тысячи лет ничего не изменилось».

Линь Му кивнул и направился к лавке, которую раньше заметил его спутник. Он заказал все три блюда.

Пока повар готовил, юноша мысленно спросил:

«Старший, вы желаете разделить трапезу?»

«Ешь сам, я и так всё почувствую, — голос Гу Суйчжи звучал мягко, с легкой долей лукавства. — В награду за это, когда закончишь, я отведу тебя в одно место. Пора тебе узнать, что такое настоящее богатство».

«М-м?»

«Пойдем раскапывать мою могилу».

<http://bllate.org/book/15862/1433424>